

цию на эту премию. Я люблю Питер и люблю киноракурсы, так что все сложилось. — **Кого из современных иллюстраторов вы считаете наиболее интересным?**

— Роберта Ингпена — он, конечно, гений. Правда, мне сегодняшнему уже кажется, что Ингпен слишком красивый. Мне не нравятся любование деталями, избыточная декоративность, когда она превращается в самоцель и переходит в крайность. Нравится белорусский иллюстратор Павел Татарников. Итальянец Маурицио Куарелло (его работа «Синяя Борода» в издательстве Slevet) — явно кинематографический человек.

Эдуард Назаров научил меня тому, что выразительная статика лучше, чем много движения. Пусть лучше будет просто, чем многосложно. Чем больше выкладываетесь в красоты, тем меньше остается для души.

Сейчас я сотрудничаю с четырьмя издательствами: «Никея», «Арбор», «Вита Нова», «Поляндрия». Это небольшие нишевые издательства, но с мейджорами — большими издательствами — не очень получается, потому что многое там решают отделы маркетинга: «Эта обложка не продается. Добавим золота».

— **Книжная иллюстрация исчезает?**

— Нет. Ребенку всегда нужно будет держать в руках бумажную книгу, а взрослому — читать вслух книжку с картинками.

Мы жалуемся, что дети не читают. Они читают — просто не так, как мы привыкли. На молодое поколение всегда жалуются. Еще Юлий Цезарь сказал: «Куда катится Рим!»

Сын мой не стал художником. Сказал: «Папа, я же не буду лучше тебя рисовать». Все художники рисуют либо себя, либо своих близких. Я себя рисую. Вот в «Азбуке профессий» Бродского сколько раз себя нарисовал.

До того как случилась медаль Андерсена, меня никто особенно не расспрашивал о моей работе. Меня это не задевает, я не страдаю от отсутствия интереса. Я думаю о следующих работах. Только что я закончил еще одну сказку в стиле комикса — «Теремок». И следующий мой герой — Тоон Теллеген с его сказками для взрослых, это такой голландский Хармс. Очень хочу над ними поработать.

Предложить другой взгляд на текст — вот в чем мой интерес как иллюстратора. Жаль, что не все ныне живущие писатели это любят. Мне очень нравятся лимерики, Лир — одна из любимых моих книг, я все перенес в современность (иллюстрации к книге Эдварда Лира «Про то, чего не может быть»). — «Ъ-Kids»).

Вот у моего друга писателя Андрея Усаичева есть книга «Маленькая собачка Со-

ня». Но если в книге нет прямых указаний на породу или на размер, я бы сделал ее сенбернаром! Изменить взгляд на книгу, предложить свой взгляд на текст — такой подход мне интересен.

Есть герои, которые плотно спаяны в нашей памяти со своим книжным или мультипликационным портретом. Для кого-то Винни-Пух шепардовский, для кого-то — диснеевский. Для меня — только наш Винни-Пух с мятым ухом, как его придумал Эдик Назаров, он был на этом мультфильме художником-постановщиком. «А почему такое ухо?» — «А он на нем спит!» И это ухо заложило фундамент всей моей дальнейшей работы. Ничего случайного, надо все построить и объяснить логически. Не надо придумывать — следуй за логикой, она выстроит такие жизненные связи, что никакой сказки не надо.

Надо брать сказку, убирать всех сказочных персонажей и ставить живых людей на их место. Которым больно, страшно, которые могут ногу подвернуть или поцарапать в кровь, когда по лесу будут блуждать всю ночь, как Белоснежка. Вот такие персонажи мне интересны. Может быть, я где-то убиваю волшебство в сказке, но мне нравится так.

Издательство «Арбор» предложило мне проиллюстрировать сказки Пушкина —

они получились жесткие, немного пугающие. Я ничего не придумывал от себя, просто очень внимательно читал тексты, и передо мной открывались удивительные связи. Я там все поменял. Помните бочку в сказках Пушкина? Там же адски тяжело было плыть. В материнском платке, со сбитыми коленками и локтями, не умеющий толком ходить — вот какой Гвидон у меня вылезает из бочки, а не красавец в сафьяновых сапожках.

Его матерью-царицей движет жажда мести. А Царевна-Лебедь — типичный оборотень. Сватья бабу Бабариху и двух сестер царь на радостях отпускает домой — только он находится в гостях у царицы, а ни одна мать не простит покушения на жизнь своего ребенка, поэтому на последней иллюстрации у меня все три бабы плывут по морю домой в трех бочках, а над ними летят два лебедя. И что будет дальше на этом острове, я не знаю, какой там Шекспир начнется.

«В лоб» иллюстрировать неинтересно. Нужно сломать канон. Гениальный Билибин, проиллюстрировав русские сказки, все за нас определил и на века утвердил стандарты иллюстрации, но можно постараться заглянуть за край сказки и при этом не придумывать ничего от себя. Все, что я нарисовал, есть в тексте.

БЕСЕДОВАЛА ЕЛИЗАВЕТА ДРЕЕР